

Банин - литературный феномен, неординарная личность

Для одних она - литературный феномен, единственная азербайджанская писательница, добившаяся признания во Франции, для других - последняя любовь великого Ивана Бунина. Умм эль-Бану Мирза гызы Асадуллаева - Банин.

В декабре 2005 года сразу две страны - Азербайджан и Франция - отпраздновали столетие Банин, автора "Кавказских дней", самой яркой, эмоционально точной летописи жизни Баку начала XX века.

С фонтаном "черного золота", но нелюбимый Богом У вас в саду никогда не начинал бить фонтан нефти?"

У деда Банин - Шамси Асадуллаева нефтяной фонтан забил на небольшом участке в Раманах. Многие считают, что свалившееся с неба, на самом деле - из преисподней, богатство, делает человека счастливым, и он может забыть обо всех своих проблемах. Но богатые тоже плачут...

С семьей Асадуллаевых случилось так, что деньги принесли им лишь проблемы, а где-то - и несчастье. "Асадулла" в переводе с арабского "любимый Аллахом". Но Всевышний не очень долго любил эту семью. В 1905 году, во время армяно-азербайджанского конфликта у сына Шамси Асадуллаева Мирзы и у дочери Мусы Нагиеву родилась дочь. Семья в то время была в глухой деревушке под Шемахой, мать при родах умерла. Девочку назвали Умм эль-Бану в честь матери. На французский манер - Банин - она стала называть себя много позже.

Как рассказывала впоследствии Банин: "Матери своей я не знала. В 1905 году, стремясь сбить революционный порыв, власти спровоцировали на Кавказе межнациональные столкновения. Азербайджанцев, армян, русских, курдов, иранцев стравлили между собой. Стараясь уберечь мою мать от слепой жестокости и безумства погромов, отец отправил ее рождать в деревню, далеко за Баку. Роды оказались тяжелыми, врача поблизости не было. Мать умерла, но дать мне жизнь успела".

Отец Мирза Асадуллаев проводил почти все время в деловых путешествиях. Так, разъезжая по стране, он однажды влюбился. Молодая жена, осетинка Тамара Датиева, стала не просто мачехой четверем его маленьким дочерям, но совершенно неожиданно заставила их по-иному взгля-

нуть на женское предназначение в обществе. Европейски образованная, обладавшая безупречным вкусом, Тамара взяла на себя заботы обо всем, начиная от гардероба девочек и заканчивая интерьером дома и устройством светских вечеров.

Банин позже признавалась, что детские впечатления от рассказов Тамары о Париже, где она долгое время жила и училась, были очень сильными. Восхищение Тамарой у нее впоследствии переросло в любовь ко всему французскому, в казавшуюся тогда несбыточной мечту о Париже. Но впереди был 1917 г., который перевернул всю ее жизнь.

Как написала в своих воспоминаниях Банин: "Ребенком я очень любила бабушку и еще глубоко не осознавала разделяющие нас черты. Но, взрослея, я все больше ощущала разницу между нами, и моя детская любовь к бабуле иссякла - бабушка принадлежала к иному, чуждому мне миру. А как же кровное родство? Признаюсь, что не чувствовала особой привязанности к своим родственникам. Не знаю, было ли это обусловлено какими-то объективными причинами. Может быть, я сама просто плохой человек. По моим наблюдениям, отношения между даже очень близкими родственниками резко ухудшаются, когда дело доходит до личностных интересов. Если последние не расходятся с интересами семьи, то семейная жизнь протекает в мире и согласии".

Банин вышла замуж за нелюбимого, но влиятельного человека, чтобы вытиснуть отца из тюрьмы, получить загранпаспорт и бежать в Турцию. В девятнадцать лет, уже будучи в Турции, она рассталась с мужем Балабеком Годжаевым и поехала в Париж к своим родным, перебравшимся туда раньше.

У Банин с детства был такой характер, что она не любила никому доставлять

проблем. Она всегда придерживалась принципа, что человек должен сделать себя сам - от начала и до конца. Вскоре сложные отношения с мачехой вынудили ее уйти из дома и начать самостоятельную жизнь.

Банин сразу же устроилась на работу. Она перепробовала все профессии, доступные эмигрантке: работала продавщицей в магазине, секретарем в канцелярии, переводчицей, манекенщицей - стала моделью двух известных домов моды. Первым из них был Worth, принадлежавший Чарльзу Фредерику, первому всемирно известному дизайнеру, создателю моды Haute couture или "высокой моды".

Но и карьера модели у Банин была достаточно недолгой. У нее проявился литературный талант, и она начала писать. Первая книга, которую она выпустила в 1945 г., называлась "Нами" и была посвящена ее детству. Книга прошла, можно сказать, полужамененной. Это был тяжелый военный год, и многим людям было не до литературы.

Тем не менее, один немецкий офицер, служивший в Париже, в раскваритированной там части, ее роман прочел. Это был знаменитый интеллектуал XX в., известный писатель и философ Эрнст Юнгер - немецкий офицер, внесший значительный вклад в военную теорию. Он был одним из главных теоретиков консервативной революции и автор "сложной коллекции афоризмов на тему состояния современного мира".

Он запросто пришел к Банин домой - "выпить чашку турецкого кофе у Банин, мусульманки из Южного Кавказа". Началась долгая любовь и еще более долгая дружба (продлившаяся более полувека) французки азербайджанского происхождения и немецкого интеллектуала. Банин посвятила ему три книги - "Встречи с Эрнстом Юнге-

ром", "Портрет Эрнста Юнгера", "Разноликий Эрнст Юнгер".

Во время войны Банин продолжала писать, и в 1946 г. свет увидел ее автобиографический роман "Кавказские дни". В этом романе Банин воссоздает картины детства, милые сердцу сцены дореволюционной поры, взаимоотношения между родными и близкими, портреты своих родственников, деда со стороны матери Мусы Нагиева - известного миллионера, своего отца - Мирзы Асадуллаева, ставшего в правительстве Азербайджанской Демократической Республики министром торговли.

Роман воссоздает ее биографию, историю известных домов бакинских нефтепромышленников, реалии и приметы эпохи, обычаи и нравы, народные праздники и обряды. Книга невероятно колоритная, позволяющая понять и менталитет азербайджанского народа, и познакомиться с самим духом Азербайджана начала прошлого века. Кроме этого, в романе отражены отношения юной героини с окружающими ее людьми, умонастроения и взгляды современников, их отношение к событиям переломного времени.

С описаний своего дома, абшеронской дачи с их домочадцами внимание автора переключается на события, повлиявшие на ее судьбу и жизнь ее родственников. Это и приход Красной Армии в Баку, и установление Советской власти: на этом фоне и создаются дальнейшие злоключения семьи. Банин, в частности, рассказывает, что по завещанию деда она (ей тогда было тринадцать лет) и три ее старшие сестры стали миллионерами. Однако спустя несколько дней, с приходом большевиков, они в одночасье потеряли свои богатства, оказались перед необходимостью покинуть родину.

Книга принесла Банин успех. Ей писали восторженные письма Андрэ Мальро (еще в начале творческого пути Банин он, разглядывая линии на ее ладони, предсказал ей блестящее будущее), Анри Монтерлен, Микос Казанцакис и многие другие. Банин на равных общалась с Жан-Полем Сартром, Луи Арагоном, Полем Элюаром, Эльзой Триолеком.

Дело в том, что у русских эмигрантов (такowymi считались в то время все эмигранты из России, а позже из СССР) был свой

маленький "городок" в Париже, насчитывавший 40 тысяч жителей. Потом в статье, посвященной русской эмиграции и опубликованной в газете "Фигаро" 2 декабря 1991 г., Банин перечислит многих из них - философы: Бердяев, Шестов, Лосский, Булгаков (не путать с однофамильцем - писателем); поэты Иванов, Цветаева, Бальмонт, Северянин; наконец, множество писателей, прежде всего Иван Бунин, Тэффи, Ремизов, Мережковский, его жена Зинаида Гиппиус, Куприн, Зайцев, Адамович. Многих я может быть, забыла назвать".

Ближайшей подругой Банин была бывшая фрейлина российского императорского двора Жанет Андроникова, приближенная к семье Романовых. Другая ее подруга - популярная в России, а затем уже и во Франции романистка, известная писательница-сатирик Надежда Тэффи, помогла ей войти в литературные круги. Именно у нее Банин познакомилась со многими известными русскими писателями, в том числе и с самим Буниным.

Банин: "Мне посчастливилось - я была допущена в святая святых эмигрантской литературы благодаря дружбе, которой меня удостоила Тэффи. В своей скромной комнатке, которую ей сдавала тоже эмигрантка ("изгнанница, как все мы" - говорила Тэффи), она принимала "сливки пера" (тоже ее выражение). Ее коллеги со стаканом чая в одной руке и сигаретой в другой с юношеским жаром спорили, хотя молодых среди них почти не было, спорили часто и ожесточенно о чем-нибудь вроде того, как правильно ставить запятые.

Часто нас оказывалось с лишком много для этой тесной комнаты, загроможденной мебелью и книгами, прокуренной так, что уже нечем было дышать, однако мы были счастливы в этой атмосфере - чувством причастности. Иван Бунин часто был как бы председателем, ведь он был увенчан престижной Нобелевской премией за достижения в области русской литературы. Красивый мужчина с серебряной проседью, он держался всегда прямо и не смирался на груз лет. Был очень привлекателен. Он правил собранием не только благодаря авторитету, но и благодаря громовому голосу, который решались критиковать только в его отсутствие".

(Продолжение следует)